

УДК 316.624:004.738.5

DOI: 10.34670/AR.2026.81.49.052

Экстремизм как социально-психологический феномен: анализ экстремистских нарративов в онлайн-пространстве США

Самсонова Анна Владимировна

Старший преподаватель,
кафедра иностранных языков,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
117437, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 12;
e-mail: nostalg196@yandex.ru

Павлова Вероника Ростиславовна

Курсант,
кафедра иностранных языков,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
117437, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 12;
e-mail: analitikarodis@yandex.ru

Аннотация

Цель работы - исследовать феномен радикализации в контексте обостренной политической поляризации в Соединенных Штатах Америки и проанализировать то, как социально-психологические механизмы, активируемые в условиях политической поляризации, взаимодействуют с экстремистскими нарративами в онлайн-пространстве США, приводя к радикализации отдельных лиц и групп. Авторы анализируют ключевые социально-психологические механизмы, в том числе социальную идентичность, групповую поляризацию, конспирологическое мышление, моральное оправдание, и изучают роль онлайн-пространства как катализатора этих процессов и распространителей идеологий, способствующих переходу от радикальных взглядов к реальным действиям. Основные результаты научного исследования: на примере конкретных экстремистских нарративов таких как идеи превосходства «белой расы», антиправительственный экстремизм и теории заговора QAnon показать, как с помощью цифровых платформ структурируются и практически мгновенно распространяются такие идеологии.

Для цитирования в научных исследованиях

Самсонова А.В., Павлова В.Р. Экстремизм как социально-психологический феномен: анализ экстремистских нарративов в онлайн-пространстве США // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 421-428. DOI: 10.34670/AR.2026.81.49.052

Ключевые слова

Экстремистские нарративы, радикализация, социальная идентичность, групповая поляризация, конспирологическое мышление, онлайн-пространство, политическая поляризация.

Введение

Современная политическая реальность Соединенных Штатов характеризуется глубоким и, по мнению многих исследователей, увеличивающимся расколом между основными политическими лагерями — либералами и консерваторами, демократами и республиканцами. Эта политическая поляризация вышла за рамки простых разногласий по вопросам политики и превратилась в острую социальную дихотомию, затрагивающую базовые ценности, источники информации и восприятие реальности не только в США, но и во всем мире [Iyengar, Lelkes, Levendusky, Malhotra, Westwood, 2019, с. 129-146]. В условиях такого раскола стремительно распространяются экстремистские идеологии, а социальные сети, форумы, мессенджеры и цифровые платформы, активно использующие искусственный интеллект, коренным образом меняют информационный ландшафт. Онлайн-пространство не только превратилось в основную арену для политической дискуссии и формирования идентичности и, что особенно важно, в среду, благоприятную для процессов радикализации. Традиционные модели радикализации, часто связанные с личной вербовкой в закрытых группах, дополняются, а в некоторых случаях заменяются, децентрализованными сетевыми моделями, где в виртуальной среде человек может самостоятельно и добровольно пройти путь от умеренных взглядов к радикальным [Berger, 2018].

Цель данной статьи — на примере Соединенных Штатов Америки проанализировать, как социально-психологические механизмы, которые активируются в условиях политической поляризации, взаимодействуют с экстремистскими нарративами в онлайн-пространстве и приводят к радикализации отдельных лиц и групп. В работе подчеркивается, что онлайн-среда не просто является каналом передачи экстремистского контента, но и активно структурирует и усиливает психологические процессы, лежащие в основе радикализации.

Социально-психологические механизмы радикализации

Радикализацию можно определить как процесс, в ходе которого отдельный человек или группа лиц проникаются крайними политическими, социальными или религиозными идеалами и устремлениями, противопоставляя себя существующему общественному порядку, при этом допуская или прямо поддерживая использование насилия для достижения своих целей [Wojan, 2011, с. 7-36]. Этот процесс обусловлен комплексом факторов, среди которых ключевую роль играют социально-психологические механизмы. Фундаментальную основу для понимания радикализации предоставляет теория социальной идентичности Анри Тэшфела и Джона Тернера, а именно, стремление к социальной идентичности и категоризация по принципу «свой» - «чужой» («in-group» и «out-group»). Подобное разделение свойственно любой человеческой культуре и существует на всех уровнях общества (семья, вера, язык, группировка и т.п.), но в условиях политической поляризации эта категоризация становится особенно жесткой и эмоционально заряженной. Политическая принадлежность (например, «демократ» или «республиканец») или вероисповедание (католик vs протестант) перестают быть лишь политической позицией и превращаются в центральный элемент социальной идентичности [Iyengar, Lelkes, Levendusky, Malhotra, Westwood, 2019; Tajfel, Turner, 1979].

Для поддержания позитивной самооценки члены группы часто преувеличивают свою достоинства и стремятся дискриминировать не-членов — «чужаков», при этом, «свое» невозможно без «чужого», и границы раздела очерчены довольно четко. В экстремальных

условиях поляризации аутгруппа – чужаки - начинает восприниматься не просто как оппонент, а как экзистенциальная угроза ценностям, образу жизни и самому существованию ингруппы. Этот образ «врага» является краеугольным камнем любого экстремистского нарратива, будь то белый национализм, видящий угрозу в «расовом замещении», или радикальные антиправительственные группировки, изображающие государство как «тиранический аппарат» [Kruglanski, Gelfand, Bélanger, Sheveland, Hetiarachchi, Gunaratna, 2014].

Психологическое явление, при котором обсуждение внутри сплоченной группы приводит к принятию более крайних – радикальных - позиций, называется групповой поляризацией, и до появления интернета подобные группы были ограничены физическим пространством. Сегодня онлайн-пространство идеально приспособлено для усиления этого эффекта. Алгоритмы социальных сетей, настроенные на удержание внимания пользователя, создают так называемые «эхо-камеры» (echo-chambers) и «информационные пузыри» (filter bubbles). Пользователю автоматически предлагается контент, который согласуется с его взглядами, а противоречащая его убеждениям информация автоматически отфильтровывается [Pariser, 2011]. В итоге, консервативный пользователь оказывается в окружении исключительно консервативных голосов, а либеральный — в окружении либеральных. Внутри этих гомогенных цифровых пространств дискуссия не просто укрепляет существующие взгляды, но и сдвигает их к более радикальным полюсам. Так, умеренный критик иммиграционной политики в соответствующей «эхо-камере» может постепенно прийти к убеждению в правдивости теории заговора о «великом замещении».

Экстремистские идеологии часто опираются на конспирологические нарративы. Конспирологическое мышление предлагает простое, хотя и иррациональное, объяснение сложных социальных проблем, сводя их к тайным заговорам могущественных, злонамеренных групп [Douglas, Sutton, Cichocka, 2017, с. 538-542]. Эти нарративы усиливаются в условиях неопределенности, социальных изменений и кризиса доверия к традиционным институтам (правительству, СМИ, науке), давая своим приверженцам иллюзию доступа к «тайному знанию» (т.н. чувство эпистемической уверенности) и одновременно усиливая дихотомию «Мы vs Они». «Они» в этом случае — это не просто политические оппоненты, а сатанинские, педофильские элиты (как в QAnon), «еврейские заговорщики», стоящие за глобализацией (как в нарративах неонацистов), «мировое правительство, голосующее за «золотой миллиард». Политическая поляризация подрывает общее доверие к фактологическим источникам, создавая эпистемический вакуум, который заполняют альтернативные источники информации, часто продвигающие экстремистские взгляды [Miller-Idriss, 2020].

Ключевым психологическим барьером на пути к насилию является внутренняя моральная установка большинства людей. Экстремистские нарративы предлагают механизмы для преодоления этого барьера. Процесс радикализации часто включает переосмысление моральных норм, при котором насилие, ранее считавшееся недопустимым, перекалфицируется как морально оправданное и даже необходимое действие [Bandura, 1999, с. 193-209]. Это моральное оправдание становится возможным благодаря дегуманизации аутгруппы. Когда в нарративах, распространенный в экстремистских онлайн-сообществах, члены аутгруппы изображаются как «нелюди», «паразиты», «иногородцы», «животные» или «исчадия ада», применение к ним насилия перестает восприниматься как аморальный поступок. Этот процесс активно поощряется в радикальных онлайн-средах через мемы, жаргон и риторику, которые стирают человечность оппонентов [Kruglanski, Gelfand, Bélanger, Sheveland, Hetiarachchi, Gunaratna, 2014, с. 69-93]. Онлайн-пространство выступает как катализатор и

структуризатор радикализации: интернет не является нейтральным проводником идей. Его архитектура и его культура активно формируют и ускоряют описанные выше социально-психологические процессы.

Платформы социальных сетей часто строятся на принципах, напоминающих геймификацию: лайки, репосты, подписчики, баллы кармы на форумах (например, Reddit). Это создает систему положительного подкрепления для распространения самого эмоционально заряженного и поляризующего контента, который с наибольшей вероятностью вызовет заинтересованную ответную реакцию аудитории. Спокойный аргументированный анализ не получит такого же широкого распространения, как гневный пост или провокационный мем. Алгоритмы рекомендаций, учитывающие пристрастия пользователей, выполняют функцию «радикального проводника». Пользователь, проявивший интерес к умеренно консервативному содержанию, может через серию рекомендаций прийти к ультраправым блогам, а затем и к откровенно неонацистским форумам. Этот путь, часто называемый «rabbit hole» (кроличья нора), хорошо задокументирован в случаях с лицами, которые затем преследуются за радикальную деятельность [Berger, 2018]. Алгоритм платформы просто оптимизирован для удержания внимания, а провокационный и экстремальный контент, как правило, лучше всего служит этой цели.

Современный экстремизм в США все чаще принимает форму не иерархических организаций, а децентрализованных сетевых субкультур, что позволяет говорить о формировании контркультурных онлайн-субкультур. Яркими примерами являются движение «альтернативных правых» (alt-right), которое сознательно использовало интернет-мемы, иронию и жаргон для распространения своих идей среди молодежи, или сообщество «инцелов» (involuntary celibates, невольных целибатов), мужчин фертильного возраста, чувствующих себя отвергнутыми женщинами и обществом, чья мизантропическая идеология часто перерастает в насилие [Daniels, 2018, с. 60-65].

Эти онлайн-субкультуры, как и секты, создают собственную систему ценностей, свой язык (например, использование «dogwhistles» — закодированных посланий) и юмор, что усиливает чувство групповой сплоченности и избранности. Ирония и мемы служат инструментом рекрутинга, давая возможность вербовщикам представлять экстремистские идеи в «безобидной» упаковке, приучая новых членов к радикальным концепциям. Попадая в такое сообщество, индивид не просто усваивает идеи, он начинает ощущать новую идентичность и приобщается к новой культуре.

Анализ ключевых экстремистских нарративов в онлайн-пространстве США

Нарративы «белого геноцида», «великого замещения», «еврейского заговора» - центральные повестки для белого националистического движения, в которых утверждается, что существует преднамеренный план (часто приписываемый еврейским элитам), по преднамеренному сокращению белого населения через иммиграцию, смешанные браки и низкую рождаемость, с конечной целью его полного замещения [Miller-Idriss, 2019]. «Протоколы заседаний сионских мудрецов», опубликованные в России в 1903 году, стали одной из самых известных фальшивок XX века. Об их развенчании известный ученый –медиевист Умберто Эко пишет в своей книге «Пражское кладбище». Но, спустя десятилетия, в онлайн-пространстве этот нарратив по-прежнему распространяется через псевдонаучные блоги,

эмоционально заряженные видео, мемы и риторику на форумах вроде 4chan и Telegram-каналах. Опираясь на психологические механизмы, нарратив напрямую апеллирует к социальной идентичности («белые» как ингруппа, находящаяся под угрозой) и страху перед ее исчезновением. Он предлагает конспирологическое объяснение демографических изменений, снимая с индивида ответственность за сложный социально-экономический анализ. Это приводит к интенсивной дегуманизации иммигрантов и меньшинств, которые изображаются как «оружие» в руках заговорщиков, что морально оправдывает насилие в качестве «самозащиты».

Идеология антиправительственного экстремизма характеризуется глубоким недоверием к федеральному правительству США, которое изображается как узурпатор законных прав и свобод граждан. Неформальные общественные движения, такие как «Движение суверенных граждан» (Sovereign Citizens) или «Хранители присяги» (Oath Keepers), верят в право и долг граждан братья за оружие для противодействия «тирании» [Southern Poverty Law Center (SPLC), 2023]. Аналогичные движения, среди которых «Свободные люди земли», существуют и в Канаде. Их нарративы активно звучат и множатся на специализированных форумах, в YouTube-роликах (хотя платформа и предпринимает меры по их удалению) и в закрытых группах в мессенджерах. Онлайн-сообщества служат пространством для группового поляризации, где недовольство властью трансформируется в убежденность в необходимости вооруженного конфликта. События, подобные штурму Капитолия 6 января 2021 года, демонстрируют, как онлайн-нарративы о «украденных выборах» могут мобилизовать тысячи людей на реальные противозаконные и очень опасные действия.

Движение QAnon (Кью-Анон) представляет собой уникальный феномен — децентрализованную политическую теорию заговора, которая вобрала в себя элементы всех вышеперечисленных идеологий. Ее центральный нарратив сводится к тому, что существует «глубинное государство» (Deep State) сатанинских педофилов-демократов, которое ведет тайную войну против президента Дональда Трампа, и что в один день (в день, который назван «Буря») все виновные будут арестованы. QAnon зародился на форуме 4chan и распространился через платформы Telegram и Twitter, и признанные экстремистскими и запрещенные в России Facebook и YouTube. QAnon является квинтэссенцией современных механизмов радикализации, а именно:

- эпистемической привлекательностью: движение предлагает своим последователям ощущение обладания «тайным знанием», которое доступно через расшифровку «капель» (drops) от истинности откровений таинственного Q-месии, что создает мощное чувство избранности и принадлежности к ингруппе «проснувшихся» (awake);
- абсолютной двойственностью: идеология движения делит мир на неоспоримое добро (Трамп и его сторонники) и всеобъемлющее зло (сатанинские демократы), превращаясь в предельную форму дихотомии «Мы vs Они»;
- моральными оправданиями насилия: поскольку противник изображен как абсолютное, сатанинское зло, любые действия против него, включая насильственные, считаются морально оправданными. Именно так в Европе в 20-х годах XX века зарождалась «коричневая чума», итальянский фашизм Муссолини и идеология Великого Рейха.

Но в эру высоких технологий пропаганда идей фашизма и радикализации превращают движение QAnon в мощнейший двигатель реальных угроз и насилия. Его участники пользуются социальной напряженностью и неуверенностью людей в завтрашнем дне для привлечения новых сторонников. Движение все больше использует антисемитские нарративы, уподобляясь

ультраправым организациям. Действия QAnon схожи с моделью поведения террористических организаций «Аль-Каида» и «Исламское государство» (обе запрещены в РФ). Его сторонники пользуются методами исламистов и злоупотребляют алгоритмами соцсетей для распространения своей идеологии, продвигая, по аналогии с «Исламским государством», свои идеи через хештеги актуальных событий. Движение давно пересекло океан: средства современной коммуникации позволяют радикальным нарративам мгновенно распространяться по миру. В начале 2022 года русскоязычная группа QAnon в «Телеграм» составляла более 40 тысяч подписчиков. Исследователь этого движения Марк-Андрэ Арджентино (Marc-André Argentino) отмечал в августе 2020 года, что страницы в Facebook (запрещена в РФ), посвященные QAnon, существуют в 71 стране мира. В период пандемии COVID-19 активность сторонников движения в социальных сетях выросла в три раза и распространилась по Европе и Азии, от Нидерландов до Балкан, от Японии до Саудовской Аравии [Harwell, Timberg, 2021]. В Германии ультраправые активисты создали немецкую аудиторию QAnon на YouTube, в Facebook и Telegram, численность которой в 2020 году оценивалась в 200 000 человек. Каждый десятый гражданин ФРГ согласен с идеями движения и поддерживает восстановление величия Рейха [Bennhold, 2020].

Заключение

Радикализация в современной Америке – и в мире – это сложный, многоуровневый процесс, в котором социально-психологические уязвимости, порожденные острой политической поляризацией, находят свое выражение в специфической архитектуре онлайн-пространства, которая усиливает их многократно. Теория социальной идентичности, групповая поляризация, конспирологическое мышление, поиск морального оправдания, шаткая идеология и дефицит критического мышления — это психологические механизмы, которые делают человека восприимчивым к экстремистским идеям. Онлайн-среда, в свою очередь, выступает не просто зеркалом этого процесса, а его активным агентом. Алгоритмы, создающие «эхо-камеры», геймификация вовлечения, формирование субкультур, поощрение к их принадлежности, функционирование в качестве «радикального проводника» — все это превращает интернет в мощнейший катализатор радикализации. Анализ конкретных нарративов («Великое замещение», антиправительственный экстремизм, QAnon) наглядно показывает, как эти общие механизмы воплощаются в конкретных идеологиях, мобилизующих людей на ненависть и насилие.

Борьба с этим феноменом требует столь же комплексного подхода. Такой подход должен включать не только меры технологического характера (модерация контента, изменение алгоритмов), но и масштабные усилия по укреплению медиаграмотности, критического мышления и социального доверия к основным институтам государственной власти. Понимание того, как психология и технология взаимодействуют, порождая экстремизм, является первым и необходимым шагом для противодействия одной из самых острых угроз социальной и политической стабильности современных обществ.

Библиография

1. Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3(3), 193-209.
2. Bennhold, K. (2020, October 11). QAnon is thriving in Germany. *The New York*

- Times*. <https://www.nytimes.com/2020/10/11/world/europe/qanon-is-thriving-in-germany.html>
3. Berger, J. M. (2018). *Extremism*. The MIT Press.
 4. Borum, R. (2011). Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 4(4), 7-36.
 5. Daniels, J. (2018). The algorithmic rise of the "alt-right". *Contexts*, 17(1), 60-65.
 6. Douglas, K. M., Sutton, R. M., & Cichocka, A. (2017). The psychology of conspiracy theories. *Current Directions in Psychological Science*, 26(6), 538-542.
 7. Harwell, D., & Timberg, C. (2021, January 20). QAnon believers grapple with doubt, spin new theories as Trump era ends. *Houston Chronicle / The Washington Post*. <https://www.chron.com/news/article/QAnon-believers-grapple-with-doubt-spin-new-15884779.php>
 8. Iyengar, S., Lelkes, Y., Levendusky, M., Malhotra, N., & Westwood, S. J. (2019). The origins and consequences of affective polarization in the United States. *Annual Review of Political Science*, 22, 129-146.
 9. Kruglanski, A. W., Gelfand, M. J., Bélanger, J. J., Sheveland, A., Hetiarachchi, M., & Gunaratna, R. (2014). The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Advances in Political Psychology*, 35(S1), 69-93.
 10. Miller-Idriss, C. (2019). *The extreme gone mainstream: Commercialization and far-right youth culture in Germany*. Princeton University Press.
 11. Miller-Idriss, C. (2020). *Hate in the homeland: The new global far right*. Princeton University Press.
 12. Pariser, E. (2011). *The filter bubble: What the Internet is hiding from you*. Penguin Press.
 13. Southern Poverty Law Center. (2023). *Militia movement*. <https://www.splcenter.org/fighting-hate/extremist-files/ideology/militia-movement>
 14. Sunstein, C. R. (2002). The law of group polarization. *Journal of Political Philosophy*, 10(2), 175-195.
 15. Tajfel, H., & Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33-47). Brooks/Cole.

Extremism as a Socio-Psychological Phenomenon: Analysis of Extremist Narratives in the US Online Space

Anna V. Samsonova

Senior Lecturer,
Department of Foreign Languages,
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
117437, 12, Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nostalg96@yandex.ru

Veronika R. Pavlova

Cadet,
Department of Foreign Languages,
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
117437, 12, Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: analitkarodis@yandex.ru

Abstract

The aim of the work is to investigate the phenomenon of radicalization in the context of heightened political polarization in the United States of America and to analyze how socio-psychological mechanisms, activated under conditions of political polarization, interact with

extremist narratives in the US online space, leading to the radicalization of individuals and groups. The authors analyze key socio-psychological mechanisms, including social identity, group polarization, conspiratorial thinking, moral justification, and examine the role of the online space as a catalyst for these processes and a disseminator of ideologies that facilitate the transition from radical views to actual actions. The main results of the scientific research: using the example of specific extremist narratives such as ideas of "white race" supremacy, anti-government extremism, and QAnon conspiracy theories, to show how such ideologies are structured and disseminated almost instantaneously through digital platforms.

For citation

Samsonova A.V., Pavlova V.R. (2026) Ekstremizm kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen: analiz ekstremistskikh narrativov v onlayn-prostranstve SShA [Extremism as a Socio-Psychological Phenomenon: Analysis of Extremist Narratives in the US Online Space]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 421-428. DOI: 10.34670/AR.2026.81.49.052

Keywords

Extremist narratives, radicalization, social identity, group polarization, conspiratorial thinking, online space, political polarization.

References

1. Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3(3), 193-209.
2. Bennhold, K. (2020, October 11). QAnon is thriving in Germany. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/10/11/world/europe/qanon-is-thriving-in-germany.html>
3. Berger, J. M. (2018). *Extremism*. The MIT Press.
4. Borum, R. (2011). Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 4(4), 7-36.
5. Daniels, J. (2018). The algorithmic rise of the "alt-right". *Contexts*, 17(1), 60-65.
6. Douglas, K. M., Sutton, R. M., & Cichocka, A. (2017). The psychology of conspiracy theories. *Current Directions in Psychological Science*, 26(6), 538-542.
7. Harwell, D., & Timberg, C. (2021, January 20). QAnon believers grapple with doubt, spin new theories as Trump era ends. *Houston Chronicle / The Washington Post*. <https://www.chron.com/news/article/QAnon-believers-grapple-with-doubt-spin-new-15884779.php>
8. Iyengar, S., Lelkes, Y., Levendusky, M., Malhotra, N., & Westwood, S. J. (2019). The origins and consequences of affective polarization in the United States. *Annual Review of Political Science*, 22, 129-146.
9. Kruglanski, A. W., Gelfand, M. J., Bélanger, J. J., Sheveland, A., Hetiarachchi, M., & Gunaratna, R. (2014). The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Advances in Political Psychology*, 35(S1), 69-93.
10. Miller-Idriss, C. (2019). *The extreme gone mainstream: Commercialization and far-right youth culture in Germany*. Princeton University Press.
11. Miller-Idriss, C. (2020). *Hate in the homeland: The new global far right*. Princeton University Press.
12. Pariser, E. (2011). *The filter bubble: What the Internet is hiding from you*. Penguin Press.
13. Southern Poverty Law Center. (2023). *Militia movement*. <https://www.splcenter.org/fighting-hate/extremist-files/ideology/militia-movement>
14. Sunstein, C. R. (2002). The law of group polarization. *Journal of Political Philosophy*, 10(2), 175-195.
15. Tajfel, H., & Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33-47). Brooks/Cole.